

ЗАСЛУГИ ХЕРАСКОВА ВЪ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Милостивые Государи!

Древность, богатая произведеніями Наукъ, возбуждающими въ насъ удивленіе, умѣла цѣнить отличныя дарованія, умѣла награждать необыкновенныя напряженія ума почестями и славою, и чрезъ то возпламеняла въ другихъ благородное соревнованіе. Гомеры, Пиндары и Софоклы воспротивились усиліямъ вѣковъ, и пережили свое отечество. Семь городовъ спорили о мѣстѣ рожденія творца Иліады и Одиссеи; каждый изъ нихъ присвоивалъ себѣ сію славу. — Греческій Лирикъ, превзошедшій всѣхъ предшественниковъ своихъ, заслужилъ пышное титуло Царя Лирическихъ Стихотворцевъ. — Софокль, отецъ трагедіи, одержавшій преимущество надъ Эсхиломъ и дѣлившій славу съ Эврипидомъ, по согласію знатоковъ, названъ Аттической пчелою. Вся Греція, собравшись въ Афинахъ, прославила блистательные его успѣхи; гласъ провозвѣстника объявилъ его побѣдителемъ; раздались рукоплесканія по амфитеатру — и лавровый вѣнокъ возложенъ былъ на главу Софокла — и его имя внесено въ отечественныя лѣтописи. Знаменитые Художники, которыхъ рѣзецъ посвященъ былъ изваяніямъ боговъ и героевъ — Фидій и Пракситель — изобразили на мѣди и мраморѣ черты лица его. Не меньшею славою наслаждался и Греческій Ораторъ, по слѣдамъ коего и самый Цицеронъ шествовалъ; краснорѣчивый Демосѣенъ, предпочтенный Эсхину, болѣе извѣстному по ненависти къ сопернику своему, нежели по своимъ талантамъ, — Демосѣенъ награжденъ золотою короною отъ Афинянъ, плѣнныхъ даромъ витійства, признательныхъ къ его дарованіямъ.

И въ позднѣйшіе времена, когда свѣтъ Наукъ распространился, когда всѣ начали чувствовать, что просвѣщеніе составляетъ единственную потребность души, отличныя дарованія увѣнчивались лестными наградами. И въ любезномъ Отецествѣ нашемъ, процвѣтавшемъ подъ правленіемъ Государей, которые неумолимо пеклись о образованіи своего народа, преимущества раздаваемы были болѣе по успѣхамъ въ просвѣщеніи и личнымъ заслугамъ, нежели по знатности рода. ПЕТРЪ I, мудрый Преобразитель Россіи, и ЕКАТЕРИНА II, Совершительница великихъ намѣреній Великаго Своего Предка, знали, что Россіяне отъ природы одарены всѣмъ, что можетъ возвести ихъ на высочайшую степень народнаго благоденствія; знали — и не щадили ничего для приближенія ихъ къ гражданскоу величію. Ревность къ успѣхамъ въ наукахъ поощрялась Монаршимъ благоволеніемъ, отличіями и наградами. Не тогда ли прославился Теофанъ, Россійскій Златоустъ, украсившій духовныя [и] свѣтскія свои творенія цвѣтами убѣдительнаго витійства, ревностный сотрудникъ неумолимаго Монарха? Не тогда ли явился Кантемиръ, ученый и остроумный, воспользовавшійся наставленіями Прокоповича? Не тогда ли возсіялъ, какъ лучезарное свѣтило на тверди небесной, Ломоносовъ, Ораторъ и Поэтъ, Историкъ и Химикъ, расторгнувшій завѣсу, скрывавшую богатство, красоту и силу Россійскаго слова? Не тогда ли предсталъ и Сумароковъ, изслѣдователь таинственныхъ путей Парнасса, учредитель правильныхъ зрѣлищъ на Россійскомъ Театрѣ, любимецъ Талии и Мельпомены, распространитель красотъ стихотворческихъ?.. На нихъ, на сихъ обогатителей нашей

* Труды Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Часть первая. Москва, 1812, Въ Университетской Типографіи. Стр. 11-147

Словесности, отъ Престола изливались милости съ такою же щедростію, съ какою награждаемы были заслуги Долгорукихъ и Голицыныхъ, подвиги Задунайскихъ и Рымникскихъ.

Въ нынѣшнее время, благоприятнѣйшее для просвѣщенія — когда АЛЕКСАНДРЪ I, шествующій по стопамъ преславныхъ Предшественниковъ Своихъ, ознаменовалъ мудрое и челоуѣколюбивое царствованіе Свое учрежденіемъ Университетовъ и другихъ Училищъ на прочнѣйшемъ основаніи для распространенія нравственнаго Россіянь образованія, сего вѣриѣйшаго источника государственнаго величія — когда всякой членъ общества ревностиѣе стремится къ одной великой цѣли: ко благу Отечества — въ нынѣшнее время отверсть свободный путь къ самымъ лестнымъ выгодамъ и преимуществамъ для людей, посвятившихъ себя ученому состоянію, и общепользными произведеніями ума оправдывающихъ надежду предусмотрительнаго и благотворнаго Правительства. Почести сопровождаютъ Любителей наукъ во время жизни; Слава творить незабвенными имена ихъ и по смерти.

Восхитительно для ума и сердца прославлять мудраго и прозорливаго государя, который при многоразличныхъ дѣяніяхъ, при неизреченныхъ трудахъ имѣлъ одно намѣреніе: счастье народа, Промыслomъ Ему ввѣреннаго; — Монарха, странствовавшаго по отдаленнымъ царствамъ, чтобы сокровищами познаній, плодами наукъ и искусствъ обогатить свое Отечество; собственнымъ примѣромъ возбуждавшаго ревность къ трудолюбію; — Самодержца, который исполнскими шагами шествовалъ къ совершенству, былъ равно величественъ среди грозныхъ бурь жизни и среди тихой ясности правленія, отказывалъ самому себѣ въ отдохновеніи послѣ многотрудныхъ и утомительныхъ занятій, дабы народы, Ему подвластные, покоились; — искоренителя предразсудковъ, заблужденій и пороковъ; насадителя просвѣщенія и добродѣтелей, украшающихъ общежитіе; грознаго врагамъ, обожаемаго подданными: — и кто изъ Россіянь съ чувствомъ благоговѣйнаго удивленія, со слезами благодарности не воспоминаетъ ПЕТРА Великаго?....

Утѣшительно передать потомству изображеніе добраго Пастыря, неусыпнаго стража паствы своей, ревнителя по благочестію, хранителя Апостольскихъ преданій, краснорѣчиваго проповѣдника Евангельскаго ученія, достойно именуемаго свѣтильникомъ церкви, органомъ истины, примѣромъ святаго житія, зеркаломъ добродѣтелей: — кто безъ сердечнаго умиленія приводитъ себѣ на память дѣла Димитрія, Митрополита Ростовскаго?....

Пріятно описывать дальновиднаго и опытнаго въ политикѣ Вельможу, строгаго блюстителя законовъ, не отвлекаемаго отъ многообъемлющихъ своихъ занятій подслащенными приманками удовольствій, не обольщаемаго блескомъ золота, не знающаго лести, пресмыкающейся около престоловъ; — Вельможу, коего каждая мысль стремится къ пользѣ общественной, каждый шагъ приближаетъ къ благотворенію, каждый взглядъ дышетъ милостію, каждое слово вливаетъ утѣшеніе въ сердца несчастныхъ; — облегчителя трудовъ Монаршихъ, безпристрастнаго посредника между сильнымъ притѣснителемъ и гонимою невинностью: — и кто, читая исторію Князя Якова Ѳеодоровича Долгорукаго, откажетъ ему въ душевномъ почтеніи?....

Сладостно изчислять подвиги Героя-Патріота, во всѣхъ дѣлахъ своихъ руководимаго упованіемъ на Промыслъ и вѣрностію къ Государю, дерзающаго на всѣ опасности для спасенія Отечества, угрожаемаго необузданными врагами; — Героя, прозорливаго въ предпріятіяхъ, твердаго въ намѣреніяхъ, рѣшительнаго въ исполненіи зрѣло обдуманыхъ плановъ, мужественнаго на ратномъ полѣ, челоуѣколюбиваго по одержаніи побѣды; — Героя, который возвышается надъ страстями, поработавшими обыкновенныхъ людей; преодоуѣваетъ ужасныя преграды, поставляемыя грозною природою; презираетъ шипѣніе зависти и ядъ злорѣчія, вездѣ и всегда поражаетъ непріятелей Россіи; который наконецъ съ вершины блистательной славы переходитъ, подобно Цинциннату, въ мирное сельское уединеніе, чтобы и тамъ заниматься благомъ Отечества: — и кто съ восторгомъ не внимаетъ повѣствованіямъ о Героѣ, отягченномъ лаврами — о Румянцовѣ-Задунайскомъ?....

Преждемъ ли молчаніемъ заслуги, Россійскимъ Гомеромъ оказанныя отечественной Словесности, и особенно Поэзіи? оставимъ ли безъ прославленія любимца Музъ, который говорилъ языкомъ вдохновенія, коего произведенія ознаменованы печатію ума, образованнаго

и зрѣлаго, обильнаго въ изобрѣтеніи, основательнаго въ сужденіи, богатаго въ выраженіи мыслей — воображенія плодovitаго въ вымыслахъ, игриваго въ мечтахъ, пылкаго въ представленіяхъ — чувства нѣжнаго, плѣнявшагося изящнымъ и совершеннымъ — вкуса тонкаго и разборчиваго? Забудемъ ли того Пѣснопѣвца, котораго наставленія, совѣты и примѣры много содѣйствовали къ образованію способностей въ молодыхъ Стихотворцахъ, доказавшихъ уже зрѣлость своихъ талантовъ? Забудемъ ли знаменитаго Поэта, который поставлялъ славу свою въ прославленіи благоденствующей Россіи, и бывъ уже украшенъ сѣдинами, съ юношескою пылкостью игралъ на златострунной лирѣ своей, привлекъ вниманіе многихъ Россійскихъ Монарховъ, заслужилъ отличное благоволеніе каждаго изъ Оныхъ, и двукратно былъ Попечителемъ Московскаго Университета — Попечителемъ, совершенно оправдавшимъ сіе почтеннѣйшее титуло?

Незабвенный Херасковъ! давно уже чувство удивленія и благодарности къ тебѣ таилось въ груди моей; давно уже мысли мои стремились привести праху твоему жертву хваленія, хотя слабую, но усердіемъ дополняемую. Нынѣ да позволено мнѣ будетъ исполнить сіе желаніе. Не смѣю льстить себя надеждою изобразить дарованія твои во всемъ ихъ пространствѣ. Наперсникъ Аполлона достойно можетъ быть воспѣтъ только подобными себѣ. Судить о картинахъ Рафаеля, единогласно признаннаго первымъ живописцемъ, и прославлять искусство его, можетъ только Корреджіо или Рубенсъ. Но вмѣняется ли въ дерзость неопытному ученику его, если онъ, покоряясь могущественному впечатлѣнію, въ немъ произведенному образцовою работою своего Учителя, восхищается одушевленною его кистію, дивится правильности въ рисовкѣ, и сообщаетъ другимъ свой восторгъ, свое удивленіе? Осмѣливаюсь и я цвѣтами, выбранными изъ твоихъ сочиненій, украсить памятникъ, воздвигнутый надъ твоимъ прахомъ. —

Имѣя въ виду начертать заслуги Михаила Матвѣевича Хераскова въ отечественной Словесности, раскрываю Россіяду, эпическую Поэму, важнѣйшее, превосходнѣйшее изъ его твореній. Кто не знаетъ, съ какимъ неподражаемымъ искусствомъ воспѣты въ ней разрушеніе Казанскаго царства, истребленіе враговъ Христіанства, любовь къ Отечеству, вѣрность къ Государю вельможъ и воиновъ, наконецъ торжество, слава и благоденствіе Россіи? Герой Поэмы, Іоаннъ Васильевичъ II, изображенъ въ точномъ значеніи сего слова: мужественнымъ, рѣшительнымъ, непоколебимымъ среди превратностей счастья. Намѣреніе Поэта, произвести удивленіе, тронуть сердце и вдохнуть высокія чувствованія изображеніемъ Государя, водимаго надеждою на Провидѣніе, и слѣдственно подкрѣпляемаго вышеестественною Силою, — наконецъ, по преодолѣніи величайшихъ искушеній и препятствій, достигшаго къ предмету своихъ желаній — сіе намѣреніе весьма удачно доведено до своей цѣли. Характеры лицъ живо начертаны, совершенно себѣ подобны и сообразны съ общимъ о нихъ мнѣніемъ; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ нѣчто единственное, собственное. Вводныя повѣсти (эпизоды), на прим. о Сеитѣ, Османѣ, Алеѣ и Асталонѣ, зависятъ отъ одного главнаго предмета, служатъ къ его возвышенію и украшенію. Всѣ части, составляющія огромное цѣлое, имѣютъ близкое къ нему отношеніе, хранятъ между собою связь неразрывную. Усмиреніе мятежныхъ Ордынцовъ составляетъ единственное намѣреніе, измѣна Алея и война съ Крымцами — главное препятствіе, а покореніе Казани — развязку. Дѣйствіе продолжается около года. Высокое правоученіе, почерпнутое изъ разсужденій и дѣйствій лицъ, отличается мыслями толь возвышенными, что Мильтонъ и Тассъ не постыдились бы признать ихъ своими.

Выписывать лучшія мѣста изъ Россіяды, значило бы составить цѣлую книгу. Приведемъ для примѣра только нѣкоторыя. Начнемъ съ Героя Поэмы.

Іоаннъ, принявъ твердое намѣреніе усмирить Ордынцовъ, и готовясь выступить въ походъ съ воинствомъ своимъ, совѣтовался съ Полководцами объ успѣшнѣйшемъ произведеніи въ дѣйство сего предпріятія. Вдругъ входитъ Царица, держащая своего младенца. Слухъ о скоромъ отъѣздѣ Государя поразилъ ее. Объятая горестію, употребляетъ она все для преклоненія супруга, не разлучаться съ нею, не подвергать опасности жизнь, для нее драгоценную. Къ чему не прибѣгала нѣжность ея для убѣжденія Іоанна? Слезы и рыданія прерывали слова ея:

Когда не тронешься любовію моею,
Ужель не умягчить тебя младенецъ сей?
У ногъ твоихъ лежитъ онъ съ матерью несчастной,
Уже лишенной чувствъ, отчаянной, безгласной!
Смотри: онъ силится въ слезахъ къ тебѣ воззрѣть,
Онъ хочетъ вымолвить: не дай мнѣ умереть!
Читай въ очахъ его нѣмые разговоры;
О чемъ языкъ молчитъ, о томъ расскажутъ взоры.

— — — — —

Когда же лютый сей походъ уже положенъ,
И въ брань идти отказъ Монарху не возможенъ,
Такъ пусть единою мы правимся судьбой:
И сына и меня возьми, мой Царь, съ тобою;
Съ тобою будетъ трудъ спокойства мнѣ дороже;
Я камни и пески почту за брачно ложе.

Иоаннъ, подобный кедру, вѣтрами колеблемому съ двухъ противныхъ сторонъ, чувствуетъ сильную борьбу любви къ Отечеству съ любовію къ супругѣ; погружается въ задумчивость, подавляетъ горестъ своего сердца; но слезы катятся по лицу Героя. Вотъ рѣшительный отвѣтъ его:

Мой первый есть законъ — Отечеству услуга!

Какая черта великой души! Удивляемся, и вѣримъ, что нашъ Поэтъ зналъ человѣческое сердце, и умѣлъ проникать въ сокровеннѣйшіе изгибы его.

Херасковъ хотѣлъ изобразить Иоанна терпѣливымъ и великодушнымъ — и успѣлъ въ своемъ желаніи. Въ то время, когда все войско, изнуренное дальнимъ походомъ, палимое зноемъ, томилось жаждою, — два воина, удалясь ночью отъ дружины своей, находятъ ручей, не помнятъ себя отъ радости, почерпаютъ воды, и съ восторгомъ приносятъ Государю. Герой, обнявъ ихъ, говоритъ:

Или вы чаете, что въ семъ пространномъ полѣ
Вашъ Царь слабѣе всѣхъ, и всѣхъ томится боль?
Томлюся больше всѣхъ въ несчастливой судьбѣ
О страждущихъ со мной, томлюсь не о себѣ.
Пойдемъ и принесемъ напитокъ сей скорбящимъ,
Несчастливымъ ратникамъ, почти въ гробахъ лежащимъ;
Подарокъ сей для нихъ, не для меня мнѣ милъ.

Какой урокъ для Государей! сдѣлаетъ ли болѣе сего отецъ для дѣтей, нѣжно любимыхъ? И храбрые воины поклялись умереть за Иоанна. Сего не довольно. И дряхлые старцы становятся въ ряды, тѣнятся подъ хоругви Отечества:

— — — мечей внимая звуки,
Берутъ оружіе въ трепещущія руки;
Едва біющуся щитомъ покрыли грудь;
Казалось, лебеди летятъ съ орлами въ путь.

Да и могли ли они не чувствовать усердія къ тому, который:

Пренебрегая зной и люту казнь небесну,
Томленный жаждою и въ потѣ и въ пыли,
Въ срединѣ ратниковъ ложился на земли;
Послѣдній — пищу бралъ, но первый передъ войскомъ
Являлся духомъ твердъ во подвигѣ геройскомъ?

Посмотримъ на другую картину. Прекратилось сраженіе съ Ордынцами; воины вносятъ въ царскій станъ Князя Троекурова тяжело раненаго. Вънчанный Герой видитъ любимца своего блѣднаго, окровавленнаго, почти безъ дыханія; глава его склонилась на грудь; уста онѣмѣли, очи померкли...

Рыдая Іоаннъ бездушнаго объемлетъ;
Но Царь, обнявъ его, еще дыханье внемлетъ.
Герой сей живъ!... онъ живъ!... въ восторгѣ вопіетъ;
Самъ стелетъ одръ ему и воду подаетъ.

Поэтъ, изобразивъ Героя своего сострадательнымъ, умѣющимъ цѣнить заслуги, готовымъ на всѣ жертвованія для сохраненія хранителей Отечества, прибавляетъ:

Коль такъ Владѣтели о подданныхъ пекутся,
Они безгрѣшно ихъ отцами нарекутся.
Ахъ! для чего не всѣ, носящіе вѣнцы
Бываютъ поданнымъ толь нѣжные отцы?

Желаніе, достойное сердца, болѣзнующаго о томъ, что на землѣ такъ много несчастныхъ, и такъ мало утѣшителей!...

Хотите ли видѣть ратное поле, и на немъ поражающихъ и пораженныхъ? невольнымъ ужасомъ почувствуете себя объятими! Смотрите:

Тотъ скачетъ на конѣ, нося стрѣлу въ гортани;
Иной, въ груди своей имѣя острый мечъ,
Отъ смерти думаетъ, носящій смерть утечь;
Иной, пронзенный въ тылъ, съ коня стремглавъ валится,
И съ кровью жизнь спѣшитъ его устами литься;
Глаза подъемлюща катится тамъ глава,
Произносящая невнятныхъ слова;
Иной безпамятенъ въ кровавомъ скачетъ полѣ,
Но конь его стремить на копы по неволѣ.

Какое богатство мыслей и обиліе уподобленій, какая сила выраженія — видны въ описаніи военачальниковъ, раздѣлявшихъ труды и торжество, ужасы и славу съ Іоанномъ! Здѣсь видимъ Князей: Микулинскаго, Мстиславскаго и Пенинскаго, неустрашимыхъ подобно львамъ разъяреннымъ; тамъ — Курбскій и Щенятевъ, преуспѣвшіе въ военномъ искусствѣ, рыцари прозорливые, пылкіе, неутомимые, поспѣшаютъ на сраженіе какъ на пиршество; за ними слѣдуютъ: Пронскій, подобный громовой тучѣ, и Хилковъ, дальновидный и опытный, посѣдѣвшій на полѣ брани; далѣе — Романовъ, и Плещеевъ, сотрудникъ его, достойно именуемые Россійскими Ираклами; Палецкой и Серебряной, потрясающіе оружіемъ отъ нетерпенія сразиться съ непріателемъ; наконецъ — Шереметевъ, Шемякинъ и Троекуровъ, воспитанники Марсовы, одаренные всеопровергающею силою; всѣ въ доспѣхахъ, горящихъ подобно молніи; всѣ

вооружены копьями и мечами. — Какія препоны остановятъ быстроту и мужество такихъ предводителей! какой гордый Османъ не смирится, какой свирѣпый Едигеръ не преклонитъ колѣнъ передъ ними? Никакая твердыня, никакое царство не устоитъ отъ ихъ оружія.

Кто откажется принести дань почтенія храброму защитнику Отечества, который среди несчастья чувствуетъ свое достоинство, помнитъ священныя обязанности, на него возложенныя; непоколебимый, какъ гранитная скала, противоборствуетъ искушеніямъ, для чувствъ обольстительнымъ; не страшится ни угрозъ, ни казней, и съ радостію ожидаетъ послѣдней минуты, въ которую съ Ангельскою улыбкою на лицѣ можетъ сказать: умираю за Вѣру и Отечество! Таковъ Рославъ у Княжнина; таковъ и Палецкій у Хераскова. — Едигеръ, видя приближеніе того ужаснаго времени, въ которое долженъ преклонить выю свою къ стопамъ Россійскаго Государя, прибѣгаетъ къ хитрости. Князь Палецкій впадаетъ въ сѣти, разставленныя злодѣемъ. На несчастномъ плѣнникѣ звучатъ уже оковы. Его влекутъ на лобное мѣсто. Является Едигеръ; алкоранъ въ рукахъ его. Указывая Князю на книгу вѣры Магометовой, и на прекрасную дѣвицу, подлѣ него стоящую, потомъ на орудія казни, на другой сторонѣ разложенныя, велитъ избирать либо то, либо другое. Негодованіе объяло Рускаго воина; пламя гнѣва запыхало въ очахъ его. Онъ не долго колебался — и тиранъ закипѣлъ яростію, услышавъ отвѣтъ:

— — — Иду на смертну казнь!
Оставь мнѣ мой законъ, себѣ оставь боязнь!
Ты смѣлымъ кажешься сѣдящій на престолѣ;
Не такъ бы гордъ ты былъ предъ войскомъ въ ратномъ полѣ;
Не угрожай ты мнѣ мученьями, тиранъ!
Господь на небесахъ, у града Іоаннъ.

Не лзя лучше описать добродѣтельнаго Вельможу, умнаго совѣтника и ревностнаго патріота, какъ Херасковъ описываетъ Адашева, твердаго среди развратовъ, истиннаго друга Іоаннова, украшеннаго болѣе величествомъ души, нежели саномъ.

Храняща лестъ еще подъ стражей царскіи Дворъ,
Увидя правду въ немъ, потушила свой взоръ;
Отчаянна, блѣдна и завистью грызема,
Испытываетъ все, ждетъ солнца, тучъ и грома.

Кому Іоаннъ съ открытымъ сердцемъ могъ говорить:

Ты честенъ; можешь ли не быть другъ Царю?

Тотъ не боялся — да и чего страшится прямая добродѣтель? — не боялся напоминать ему обязанностей верховнаго сана:

Ты долженъ разбирать не лица, но сердца;
Вниманья каждый вздохъ — на тронѣ удостоить;
Тогда познаешь, какъ народно благо строить.

Какой краснорѣчивый Ораторъ опишетъ живѣе и разительнѣе Князя Курбскаго — Вельможу, руководимаго не личными выгодами, не гордыми намѣреніями — одною справедливостію; уважаемаго Царемъ, Боярами и войскомъ — защитника притѣсненныхъ, друга челоуѣчества, котораго народъ почиталъ Ангеломъ хранителемъ — Героя, который однимъ ударомъ меча повергъ къ ногамъ своимъ ужаснаго Исканара, предводителя Татаръ Крымскихъ, и увѣнчалъ Россію — безсмертною славою, себя — блистательными лаврами — Военачальника, дѣятельностію

своею превзошедшаго, или лучше сказать, затмившаго всѣхъ своихъ сподвижниковъ; оказавшаго великія услуги Царю Россійскому, и почитавшаго ихъ ничтожными; высоко цѣнившаго все, кромѣ своихъ подвиговъ!... Не въ полномъ ли блескѣ величія представленъ Курбскій,

Сіявшій какъ луна между звѣздами въ тьмѣ,
Въ душѣ усердіемъ и славой во умѣ?

Не истиннымъ ли сыномъ Отечества, не ревностнымъ ли подкрѣпителемъ престола изображенъ тотъ, чье сердце согласно было съ словами, предъ лицемъ всего воинства имъ произнесенными:

Коль царству предлежитъ опасность и бѣда,
Не страшенъ пламень мнѣ, ни вихри, ни вода.
Россіяне къ трудамъ и къ славѣ сотворенны?...

Любопытство возрастаетъ постепенно — картины новыя, одна другой разнообразнѣе и плѣнительнѣе, представляются умственнымъ взорамъ, когда въ концѣ VIII Пѣсни находимъ Государя бесѣдующаго съ мудрымъ пустынникомъ Вассіаномъ, открывающимъ ему будущія произшествія, показывающимъ длинный рядъ Монарховъ, имѣющихъ послѣ него царствовать. Прозорливый старецъ, дошедшій до ужасныхъ бѣдствій, въ бурное время междоусобицы терзавшихъ Россію, и описавъ жестокости Поляковъ, говоритъ:

Богатство — тлѣнь и прахъ; но славно есть оно,
Коль будетъ общему добру посвящено.
(132) Позналъ имѣнія такую Мининъ цѣну;
Онъ злато изострилъ, дабы сразить измѣну.

— — — — —

Какъ бурный вихрь Москву Пожарскій окружаетъ,
Кидаетъ молніи, Поляковъ поражаетъ;
Съ другой страны даритъ отечеству покой,
Бросая громъ на нихъ, Димитрій Трубецкой.

Простираясь далѣе въ повѣствованіи, изображаетъ онъ Преобразителя Россіи, озареннаго лучами безсмертія, и преславную Дщерь его. Пророческій гласъ его гремитъ:

Онъ людямъ дастъ умы, дастъ образъ нравамъ дикимъ,
Россіи нову жизнь, и будетъ слыть Великимъ.
Коварство плачуще у ногъ Его лежитъ,
Злоумышленіе отъ стрѣлъ Его бѣжитъ.

— — — — —

Подъ скипетромъ ея (Елисаветы) цвѣтутъ обильны нивы,
Корону обвіютъ и лавры и оливы,
Науки процвѣтутъ какъ новый виноградъ,
Шуваловъ ихъ раститъ, Россійскій Меценатъ.

Наконецъ доходитъ до ЕКАТЕРИНЫ Вторыя — Монархини, Которая возвысила умы, гремѣла побѣдами, удивляла щедротами, славилась мудростію правленія, благоденствіемъ своихъ подданныхъ — и пророческія слова старца льются рѣкою:

Премудрость съ небеси въ полночный край сойдетъ,
Блаженство на престолъ въ лицѣ Ея взведетъ.

Предъ Ней усердіемъ Отечество пылаеть,
Любовь цвѣтами путь Ей къ трону устилаеть,

— — — — —

Пріидутъ къ Ней Цари, какъ въ древній Виолеемъ,
Не злато расточать, не зданіямъ дивиться
Пріидутъ къ ней Цари, но царствовать учиться.

Перейдемъ къ другимъ предметамъ. Взглянемъ на портретъ Субеки, терзаемой ревностію и мщеніемъ, высококомѣрной, но покорной только страсти, свирѣпствовавшей въ душѣ ея,

Киприды красотой, а хитростью Цирцеи,
Для выгодъ собственныхъ любившей царской санъ.

Подлѣ Казанской Царицы — и предметъ пламенной любви ея: Османъ, Князь Таврискій,

Прекрасный юноша, но гордый и коварный,
Любовью тающій, въ любви неблагодарный;
Какъ лютая змѣя, лежаща межъ цвѣтовъ,
Приблизиться къ себѣ прохожихъ допущаеть,
Но жало устремивъ, свирѣпость насыщаеть.

Вотъ и Асталонъ, соперникъ его, презрѣнный Сумбекою:

Какъ новый Энкеладъ, онъ шель, горѣ подобенъ;
Сей витязь — цѣлый полкъ одинъ попрасть удобенъ;
Отваженъ, лютъ, свирѣпъ сей врагъ Россіянъ былъ,
Во браняхъ — какъ тростникъ, соперниковъ рубилъ.

Войдемъ за Сумбекою въ ужасный лѣсъ, гдѣ грозные призраки, черныя и печальныя тѣни спустились на землю, гдѣ все густою тьмою одѣлось,

Гдѣ кажется простеръ покровы томной сонъ,
Трепещущи листы даютъ печальный стонъ;
Зефиры нѣжные среди весны не вѣютъ,
Тамъ вянутъ всѣ цвѣты, кустарики желтѣютъ;
Не молкнетъ шумъ и стукъ, гдѣ вѣчно страхъ не спитъ,
И молнія древа колеблетъ, жжетъ, разитъ;
Лѣсъ воетъ — адъ ему стenanьемъ отвѣчаетъ...

Входимъ — и видимъ пышныя гробницы, Казанскимъ Царямъ воздвигнутыя; читаемъ исторію враговъ Россіи, которые, подобно хищнымъ птицамъ, летали надъ Отечествомъ нашимъ, и пожирали добычи беззащитныя; наконецъ устали онѣ отъ злодѣйствъ и жестокостей; — читаемъ — и не можемъ удержаться отъ ужаса; но сей ужасъ сильнѣе овладѣеть, когда представится геенна съ несчастными жертвами, осужденными на мученіе. Тутъ — закрываемъ глаза, спѣшимъ удалиться отъ сего зрѣлища, и спрашиваемъ: откуда живописецъ заимствовалъ такія удивительныя краски для картины, на которой изобразилъ столько ужасовъ разнообразныхъ? не тотъ же ли Геній вкуса водилъ перомъ нашего Поэта, который управлялъ кистию Микель-Анжа, написавшаго Страшный судъ, и на немъ пораженныхъ горестію и отчаяніемъ?

Еще ли хотимъ увѣриться въ исполнскомъ изображеніи Поэта? Заглянемъ въ темную бездну, обитель Безбожія; рассмотримъ гибельныя дѣйствія, производимыя духомъ Раздора;

или остановимся при волхвованіяхъ лютаго Нигрина, заклинающаго Зиму изтощитъ свои ужасы для изстребленія Рускаго воинства — и Зима свирѣпствуетъ со всею жестокостію:

Соперница весны, и осени, и лѣта,
Изъ снѣга сотканной порфирою одѣта;
Виссономъ служатъ ей замерзлыя пары;
Престоль имѣеть видъ алмазныя горы;
Великіе столпы, изъ льда сооруженны,
Сребристый мещутъ блескъ, лучами озаренны;
По сводамъ солнечно сіяніе скользитъ,
И кажется тогда, громада льдовъ горитъ.
Стихія каждая движенія не имѣеть:
Ни воздухъ тронуться, ни огонь пылать не смѣеть;
Тамъ пестрыхъ нѣтъ полей, сіяютъ между льдовъ
Однѣ замерзлыя испарины цвѣтовъ;
Вода растопленна надъ сводами — лучами
Окаменѣвъ виситъ волнистыми слоями.
Тамъ зримы въ воздухѣ вѣщаемы слова;
Но все застужено — натура вся мертва!
Единый трепеть, дрожь и знобы жизнь имѣютъ;
Гуляютъ иней, зефиры тамъ нѣмѣютъ;
Мятели вьются вокругъ и производятъ бѣгъ,
Морозы царствуютъ на мѣсто лѣтнихъ нѣгъ;
Развалины градовъ тамъ льды изображаютъ,
Единымъ видомъ кровь которыя застужаютъ.
Всея природы страхъ, согбенная Зима,
Россійской алчуща погибелью сама,
На льдину опершись, какъ мраморъ побѣлѣла,
Дохнула — стужа вмигъ на крыльяхъ излетѣла.
Родится лишь морозъ, уже бываетъ сѣдъ,
Къ чему притронется, преобращаетъ въ ледъ;
Гдѣ ступитъ, подъ его земля хруститъ пятою,
Стѣсняетъ, жметъ, мертвитъ, сражаясь съ теплою....

Гдѣ искать помощи, отъ кого ожидать спасенія защитникамъ Отечества, когда все: и злоба невѣрныхъ, и коварство враговъ, и ужасы природы — все поклялось погубить ихъ? Рускіе ратники вспомнили слова Іоанновы:

Не слабыхъ женъ на брань, мужей веду съ собою!
— — —
Противу смерти жалъ неробку грудь поставимъ!
Кто страшень, Россы, вамъ, когда самъ Богъ по васъ!

Вспомнили — вооружились вѣрою и мужествомъ — и все преодолѣли!
Перенесемъ теперь въ царство очарованій, подобное садамъ Армидинымъ, описаннымъ
Авторомъ Освобожденнаго Іерусалима — въ такое плѣнительное мѣсто, гдѣ

Пригорки движутся, кустарники смѣются;
Источники, въ травѣ вѣся, говорятъ;
Другъ на друга цвѣты съ умильностію зрятъ;

Зефиры рѣзвые кусточки ихъ цѣлуютъ.

— — —

Зеленые лужки въ тѣни древесъ цвѣтутъ;
И кажется, Любовь одры готовитъ тутъ.
Наяды у ручьевъ являются сѣдящи,
Волшебны зеркала въ рукахъ своихъ держащи,
Въ которы Граціи съ усмѣшками глядятъ;
Амуры обнявшись, на мягкой травкѣ спятъ.
Пещеры скромныя, привѣтливыя тѣни
Гуляющихъ къ себѣ манили на колѣни...

Вотъ языкъ стихотворства! не сами ли Граціи оживляли воображеніе Поэта? не онѣ ли водили его рукою?... Нужно ли теперь доказывать, что Херасковъ имѣлъ дарованіе, способное преобразаться во всѣ виды?... и что обильный слогъ его, подобный обширной рѣкѣ, разливающей сокровища свои и дѣлимой на безчисленныя протоки, сообразовался съ каждымъ предметомъ?

Прочитавши Россіяду, воображаемъ, что мы прогуливались въ прекрасномъ саду, гдѣ Природа и искусство истощили дары свои, гдѣ различныя деревья и цвѣты, одни другихъ пріятнѣе, плѣняли наши взоры, услаждали обоняніе. мы не знали, на чемъ остановиться, чему отдать предпочтеніе: все на своемъ мѣстѣ, все цвѣтеть и благоухаетъ! Выходя оттуда, общаемся снова насладиться такимъ удовольствіемъ.

Въ Россіадѣ соблюдено все, входящее въ составъ Поэмы: величіе предмета, важность подробностей, къ нему относящихся, искусство въ расположеніи частей, удачныя переходы отъ одной мысли къ другой, занимательность повѣствованія, сцены пріятныя и ужасныя, въ пристойныхъ мѣстахъ помѣщенныя. Искусство Хераскова въ механизмѣ поэзіи, плавность размѣра, гармонія словотеченія и богатство римомъ — удивительны. Какъ Поэтъ — онъ нравится высокимъ пареніемъ мыслей, изображенныхъ блестящими, яркими красками и разнообразными тѣнями; нравится, украшая выраженія цвѣтами баснословныхъ вымысловъ и подобіями, имѣющими достоинство новости, объемлющими обстоятельства и подробности. Какъ Ораторъ — научаетъ, приближая къ истинѣ; говоря ясно, убѣдительно, краснорѣчиво, преклоняетъ на свою сторону; употребляя сильныя слова, производящія сильное дѣйствіе, влечетъ за собою умъ и сердце. Какъ Повѣствователь — имѣющій дѣло не съ воображеніемъ, а съ разсудкомъ читателей — почерпаетъ мысли изъ существенныхъ обстоятельствъ самаго дѣла, и только по необходимости — украшаетъ вымыслами историческую истину. Какъ Правоучитель — богатый свѣдѣніями вѣковъ прошедшихъ, знающій сердца и нравы людей, предлагаетъ такія правила, кои соглашаютъ волю человѣка съ законами и прямо ведутъ къ добродѣтели.

Откуда же Херасковъ почерпнулъ ту быструю чувствительность, которая вдругъ, со всѣми оттѣнками, объемлетъ предметъ, ее поразившій — ту зоркую дальновидность, отъ которой ничто не скрывается — и тонкую разборчивость, которая умѣетъ назначать всему свое мѣсто, показываетъ все съ лучшей стороны, даетъ всему надлежащую цѣну? откуда получилъ онъ дары сіи? — Отъ природы. Не она ли вложила въ душу Хераскова умъ и дѣятельность, украсила его талантами, съ помощію которыхъ находилъ онъ источники изящнаго и выспреннаго въ безпредѣльной и разнообразной ея области, восхищался красотами ея, и восторги свои изливалъ въ пѣснопѣніяхъ?... Науки привели въ зрѣлость, усовершенствовали его дарованія, снабдили высокими мыслями и щастливыми объясненіями оныхъ. Чтеніе книгъ, писанныхъ на Славянскомъ языкѣ, который почитается корнемъ и основаніемъ Россійскаго, доставляло ему способъ узнать правильное производство словъ, пристойное ихъ сочетаніе и употребленіе въ высокомъ слогѣ; помогло замѣтить различіе между языкомъ богослужебнымъ и общенароднымъ; обогатило его выраженіями громкими, сильными, многозначительными и красивыми — выраженіями, соответственными тому, что онъ воображалъ и чувствовалъ. — Къ особенной похвалѣ Хераскова надобно сказать, что онъ читалъ все, что только могъ читать, и всѣмъ умѣлъ пользоваться; ловилъ, такъ сказать, каждую минуту, чтобъ она не ушла, не сообщивъ ему

новыхъ понятій. Каждой день, каждой часъ доставлялъ новыя открытія душѣ, новыя сокровища чувствованій его сердцу. Умная книга служила къ утвержденію разума его, а пріятная къ украшенію пылкаго воображенія. Сіе занятіе, или лучше сказать, сія страсть составляла единственное удовольствіе, самую пріятную пищу для души его. Знаніе иностранныхъ языковъ познакомило его съ Гомеромъ и Virgiliemъ, съ Виландомъ и Расиномъ, а сношеніе съ древними и новыми Учеными Мужами сблизило съ ихъ творческимъ гениемъ. Размышленіе научило его находить сокровенныя сходства и согласія въ вещахъ, замѣчать тѣсную связь тамъ, гдѣ обыкновенный человекъ не можетъ найти ее; видѣть отличительныя черты предметовъ въ полномъ раздробленіи частей ихъ; восходить отъ простаго къ сложному, отъ чувственнаго къ умственному, отъ малаго къ великому; знать разныя степени вѣроятности, различать истинное отъ ложнаго. Наконецъ Вкусъ — сіе соединеніе многихъ врожденныхъ и пріобрѣтенныхъ свойствъ ума и сердца, сіе искусство наблюдать и сравнивать — научилъ его удерживать порывы воображенія, плѣняться только истинно совершеннымъ, и возвышенностію чувствованій, мыслей и выраженій внезапно изумлять или приводить въ пріятной ужасъ читателя.

Россіяда, стоившая осмыслѣннаго труда нашему Поэту, переложена рукою одного Министра на иностранной языкъ, и хранится въ знаменитой Академіи*; переведена и на Французской Гм. Авіатомъ, покойнымъ Профессоромъ Московскаго Университета. Вѣроятно, и чужестранцы — не тѣ, которые дерзостію и безстыдствомъ прикрываютъ свое невѣжество и, вопреки успѣхамъ нашимъ въ наукахъ, величаютъ насъ еще варварами, — но умные и безпристрастные цѣнители талантовъ читаютъ сію Поэму съ удовольствіемъ, плѣняются красотами ея, и знаютъ уже, что и подъ хладнымъ небомъ Сѣвера родятся умы пылкіе, озаренные лучами просвѣщенія; родятся — Ломоносовы и Херасковы!

Не отступая отъ безпристрастія и справедливости, скажемъ, что строгая Критика найдетъ и въ Россіадѣ недостатки: стихи слабые, мысли неудачно выраженные, излишнія повторенія. — Но кто написалъ совершенное твореніе? какой великій Авторъ не былъ предметомъ сужденія и споровъ? Не обвиняютъ ли и самаго Гомера въ несвязности баснословія, въ грубомъ изображеніи боговъ, въ нелѣпомъ описаніи варварскихъ нравовъ, въ стихахъ похожихъ на прозу? Не о немъ ли говоритъ Горацій:

И самъ недремлющій Гомеръ нашъ засыпаетъ?***

Оправдаемъ творца Россіады его же стихомъ:

И въ солнцѣ и въ лунѣ есть темныя мѣста.

Оставимъ безъ вниманія, Милостивые Государи, слова людей, которые, стараясь находить во всемъ недостатки, утвердительно говорятъ, что у Хераскова можно научиться не Поэзій, но размѣру стиховъ, и затвердить многія риѣмы. — Кто не знаетъ, что бросаютъ камнями въ тѣ деревья, на которыхъ много плодовъ?... Будемъ подражать такимъ Критикамъ, которые собираютъ не песокъ, но отдѣляютъ отъ него частички золота, и любятъ ими; собираютъ — по выраженію одного изъ нашихъ Писателей — не соломенки, плавающія на поверхности воды, но жемчугъ, на днѣ лежащій, и плѣняются драгоцѣнностію. Отдадимъ справедливость великимъ трудамъ Хераскова, обогатившаго отечественную Словесность твореніями своими. Согласимся, что любезенъ и въ самыхъ погрѣшностяхъ Поэтъ, парившій на крыліяхъ вдохновенія по слѣдамъ великаго наставника своего Ломоносова, который, замѣтивъ дарованія его, возбудилъ въ немъ охоту къ стихотворенію, открылъ ему средства сдѣлаться извѣстнымъ и славнымъ, называлъ его сыномъ своимъ, и заставилъ дѣйствовать на умы и сердца соотечественниковъ.

* Смот. Зеркало Свѣта, Часть 5, стран. 495.

**Quandoque bonus dormitat Homerus. *Horat. Ars poetica*, vers. 359.

Пусть строгіе цѣнители не находятъ въ Россіядѣ красоть, свойственныхъ высокої Поэзіи, требующей однѣхъ пламенныхъ, острыхъ, неожиданныхъ мыслей, однѣхъ смѣлыхъ, отборныхъ и сильныхъ выраженій; пусть сіе начертаніе ученыхъ заслугъ Хераскова покажется кому нибудь пристрастнымъ, перешедшимъ за предѣлы умѣренности: — но сердце, исполненное почтенія и благодарности къ предмету своего удивленія — сердце, живо чувствующее всѣ его достоинства, находитъ и сію похвалу — сколь бы увеличенною ни казалась она равнодушію и безпристрастію — недостаточною и слабою, считаетъ ее — дѣтскимъ лепетаньемъ, — не болѣе.

Ревностные читатели дарованій Хераскова знаютъ, что онъ трудился много — и всегда съ пользою и честію для соотечественниковъ своихъ; писалъ не по внушенію самолюбія, но побуждаемый желаніемъ доставить и себѣ и другимъ удовольствіе, питательное для разума и чувствованій; вездѣ отличался здравомысліемъ и благодушіемъ; вездѣ доказывалъ, что вѣрилъ безъ суевѣрія и не терпѣлъ вольнодумства; училъ чистой нравственности, проповѣдывалъ истину, внушалъ вѣрность къ верховной Власти; распространялъ область просвѣщенія, ободрялъ питомцевъ наукъ, съ ревностною охотою подавалъ имъ отеческія наставленія, съ благопріятною улыбкою одобренія приніалъ первые опыты трудовъ ихъ, съ любезною кротостію, свойственною снисходительному другу, показывалъ недостатки, предостерегалъ отъ заблужденій; любилъ все отечественное, любилъ и славилъ Россію. Почитатели Хераскова знаютъ, сколь много одолжена ему наша Словесность, и увѣрены, что сочиненія воздвигли ему памятникъ, несокрушимый рукою времени, и увѣнчали его безсмертною славою.

Здѣсь позвольте, Милостивые Государи, кончить Разсужденіе мое о творцѣ Россіяды, и оставить до другаго времени разсмотреніе прочихъ, а особливо важнѣйшихъ его сочиненій. Чувствую мои недостатки; но ободряюсь надеждою, что усердіе къ памяти Хераскова замѣнитъ слабость моихъ дарованій.